

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.43>

Хавронич Алина Алексеевна

Стилистическое своеобразие речи аллегорических пороков в ранненовоанглийской пьесе Дж. Скелтона "Величие" (Magnificence)

Цель исследования - выявить и разобрать с помощью современных методов лингвистического анализа основные стилистические характеристики реплик порочных персонажей в пьесе "Величие" Дж. Скелтона, написанной в начале ранненовоанглийского периода. Работа фокусируется на тех стилистических стратегиях, которые используются драматургом именно для конструирования речи аллегорических пороков и для указания языковыми средствами на порочность или моральную неустойчивость персонажа. Научную новизну работы определяет тот факт, что в ней впервые осуществляется подробный стилистический разбор ряда особенностей ранненовоанглийской пьесы Скелтона, в том числе привлекающий данные диахронического корпуса. В результате установлено, что стилистическое своеобразие речи пороков в пьесе "Величие" связано с использованием просторечной лексики, введением неологизмов, задействованием элементов вертикального контекста, приемом переключения кодов и активной аллитерационной и паронимической организацией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 232-238. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Black S. Introduction to Public Relations. N. Y.: Modina Press; International Public Relations Association, 1989. 223 p.
13. Garnett A. C. A Non-Normative Definition of "Good" // Values and Moral Development / ed. by Th. C. Hennessy. N. Y.: Paulist Press, 1976. P. 122-130.
14. Grunig J., Grunig L. Implications of the IABC excellence study for PR education // Journal of Communication Management. 2003. Vol. 7. № 1. P. 34-42. DOI: 10.1108/13632540310807232.
15. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing consent. The political economy of the mass media. N. Y.: Pantheon Books, 2002. 480 p.
16. Katz J. J. Semantic Theory and the Meaning of 'Good' // The Journal of Philosophy. 1964. Vol. LXI. № 23. P. 739-766.
17. Lippmann W. Public Opinion. N. Y.: Harcourt, 1922. 427 p.
18. Mackie J. L. Ethics. Inventing Right and Wrong. L.: Penguin Books, 1977. 249 p.
19. Minyar-Belouchcheva A., Sergienko P., Vishnyakova E., Vishnyakova O. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties // International Journal of English Linguistics. 2020. Vol. 10. № 1. P. 26-36. DOI: 10.5539/ijel.v10n1p26.
20. Morris Ch. Varieties of Human Value. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1968. 209 p.
21. Procter and Gambler press-releases [Электронный ресурс]. URL: <https://news.pg.com/news-releases/default.aspx> (дата обращения: 20.07.2020).
22. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / ed. by J. E. Miller. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.
23. Wright G. H. von. The Varieties of Goodness. N. Y. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1963. 164 p.

Ways of Expressing Axiological Attitudes in the English-Language PR-Texts

Sergienko Polina Igorevna, PhD
Lomonosov Moscow State University
poserg@bk.ru

The study aims to determine the most effective methods of conveying axiological attitudes in the English-language PR-texts. Scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first work to consider various ways of expressing axiological attitudes in the English-language PR-discourse, to determine their effectiveness in terms of influencing the audience. As a result, it was found that value attitudes can be expressed at linguistic and extralinguistic levels. The most frequent value orientations are of universal nature and instrumental in developing an effective strategy of communication with the audience.

Key words and phrases: English-language PR-texts; expression of axiological attitudes; strategies of communication.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.43>

Дата поступления рукописи: 25.07.2020

Цель исследования – выявить и разобрать с помощью современных методов лингвистического анализа основные стилистические характеристики реплик порочных персонажей в пьесе «Величие» Дж. Скелтона, написанной в начале ранненовоанглийского периода. Работа фокусируется на тех стилистических стратегиях, которые используются драматургом именно для конструирования речи аллегорических пороков и для указания языковыми средствами на порочность или моральную неустойчивость персонажа. **Научную новизну** работы определяет тот факт, что в ней впервые осуществляется подробный стилистический разбор ряда особенностей ранненовоанглийской пьесы Скелтона, в том числе привлекающий данные диахронического корпуса. **В результате** установлено, что стилистическое своеобразие речи пороков в пьесе «Величие» связано с использованием просторечной лексики, введением неологизмов, задействованием элементов вертикального контекста, приемом переключения кодов и активной аллитерационной и паронимической организацией.

Ключевые слова и фразы: лингвостилистика; ранненовоанглийский период; Дж. Скелтон; сниженный стиль; стилистически маркированные единицы.

Хавронич Алина Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
Lene_rocks@mail.ru

Стилистическое своеобразие речи аллегорических пороков в ранненовоанглийской пьесе Дж. Скелтона «Величие» (Magnyfycence)

Статья посвящена обсуждению нескольких основных особенностей стилистической организации реплик аллегорических пороков в ранненовоанглийской пьесе Дж. Скелтона «Величие» (Magnyfycence). Это драматическое произведение предположительно было написано во второе десятилетие XVI в. (возможно, в 1516 г. [17, р. 244], впервые напечатано У. Растеллом в 1530 г.) и относится, таким образом, к первой фазе развития ренессансной литературы в Англии. Литературным памятникам этой эпохи лишь до относительно недавнего времени уделялось крайне мало внимания как в отечественных, так и в зарубежных лингвистических исследованиях: анализ художественных текстов ранненовоанглийского периода

вынужденно ограничивался рассмотрением пьес блестящих авторов елизаветинской эпохи (У. Шекспир, К. Марло и т.д.) в связи с недостаточно развитой теоретической и методологической базой, необходимой для интерпретации данных о стилистическом функционировании языковых элементов и приемов в художественном материале XVI в. В частности, анализируя проблему интралингвистического перевода на примере «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, В. Я. Задорнова писала: «К сожалению, надежных результатов в изучении чосеровских словосочетаний, по-видимому, добиться нельзя (по крайней мере на данном этапе), так как нет достоверных данных относительно метасемиотической окрашенности слов и словосочетаний в среднеанглийском языке» [1, с. 78]. Это же наблюдение было применимо к работе с ранненовоанглийским художественным материалом. Однако за последние десятилетия дискуссия о стилистических свойствах произведений, относящихся к отдаленным от современного исследователя периодам развития английского языка, продвинулась на принципиально новый уровень, что обусловлено, в частности, разработкой диахронического корпуса ICAME-NC (International Computer Archive of Modern English – Helsinki Corpus), корпусного словаря MED (Middle English Dictionary), а также работами, выполненными в русле диахронической прагматики и социолингвистики.

Таким образом, необходимость написания данной работы обусловлена отсутствием исследований, посвященных стилистическому разбору пьесы «Величие» – репрезентативного образца на настоящий момент малоизученной драмы начала ранненовоанглийского периода. *Актуальность* статьи определяется необходимостью исследования стилистических характеристик произведения Скелтона с помощью современных инструментов лингвистического анализа, что в дальнейшем может послужить базой для детального разбора других художественных текстов XVI в. и выявления общих тенденций использования ранненовоанглийского языка художественной литературы в рассматриваемый период.

В рамках статьи предлагается решить следующие *задачи*: выявить основные категории языковых элементов и приемов, задействованных Скелтоном для конструирования речи порочных персонажей, рассмотреть обнаруженные элементы с точки зрения их стилистического функционирования и реализации метасемиотических свойств. Для решения этих задач применяется *метод* лингвостилистического анализа (с привлечением данных диахронической корпусной лингвистики в тех случаях, где это релевантно). Материалом для исследования послужила версия пьесы Дж. Скелтона «Величие», зафиксированная У. Растеллом (по тексту, представленному Г. Уокером [35, р. 351-407]).

Теоретической базой работы выступили исследования по стилистике В. Я. Задорновой [1], А. А. Липгарта [2], а также труд С. Адамсона [31, р. 539-649], посвященный особенностям и тенденциям использования языка художественной литературы авторами ранненовоанглийского периода. *Практическая значимость* исследования заключается в возможности применения полученных данных для анализа других неизученных литературных памятников XVI в., а также в курсах по истории и стилистике английского языка.

Приступая к рассмотрению стилистического своеобразия реплик порочных персонажей в пьесе «Величие», необходимо сказать несколько слов о сюжете произведения и некоторых общих особенностях оформления речи негативных персонажей в пьесах анализируемого периода. С содержательной точки зрения художественный текст «Величие» инкорпорируется в традицию написания моралите на тему «падение монархов». Этот сюжет, в рамках которого демонстрировалось прохождение правителя через несколько этапов конвенциональной формулы искушения, морального падения и искупления, устойчиво ассоциируется, прежде всего, с произведением «Падение монархов» Дж. Лидгейта. В «Величии» роль пороков – Фикции, Глупости, Завуалированного Коварства, Придворного Развращения, Искусной Манипуляции и Ложной Жизни, – сообразно традиции, заключалась во введении короля в заблуждение, чтобы, по сути, узурпировать трон и привести государство к воцарению греха и распутства. При этом стилистическое оформление реплик аллегорических пороков, как правило, выстраивалось в достаточно очевидной оппозиции по отношению к речи однозначно положительных персонажей (в данном случае наставников короля и героев, символизирующих божественное прощение) – это противопоставление базировалось на доктринальном принципе *decorum* («целесообразность», в ранненовоанглийском использовались для номинации этой идеи такие единицы, как *aptness, propriety, comeliness*), адаптированном авторами ранненовоанглийского периода у римских риториков. Информацию о сути стилистического разграничения реплик положительных и негативных персонажей можно извлечь из доступных комментариев наиболее авторитетных филологов XVI в. В частности, о понятии целесообразности пишет в 1571 г. Р. Ашэм: уместность (*propriety*) заключается в “choice of words, in framing of sentences, in handling of arguments, and use of right form, figure, and number, proper and fit for every matter” [14, р. 141] («выборе слов, оформлении предложений, ведении аргументации и использовании правильной формы, фигуры речи, объема, подходящих и уместных для каждого предмета») (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Х.). Концепция *decorum*, как отмечают исследователи, «восходила к трудам Платона и Аристотеля и синтезировала наиболее базовые понятия разработанных в период классической античности теории морали и эстетики» [23, р. 35]. Из этого следовало редко нарушаемое правило (особенно в текстах моралите) оформлять речи положительных персонажей (как правило, посвященные высоким идеям, например войне, Богу, монаршей жизни) в высоком стиле, а реплики негативных героев – в низком. Приведенные данные позволяют эксплицировать, почему для оформления речи пороков Скелтон по большей части задействует приемы и единицы, ассоциируемые со сниженным стилем. На этом этапе предлагается более детально рассмотреть, какие основные категории элементов и стилистические стратегии можно идентифицировать в репликах порочных персонажей.

Одной из самых очевидных черт реплик пороков оказывается наличие значительного количества просторечных единиц. Наиболее существенная пропорция реализаций сниженной просторечной лексики воспроизводится в диалогах и полилогах аллегорических пороков с целью оскорбления друг друга (и реже других персонажей) по нескольким базовым принципам. Первую категорию составляют обвинения в пустословии и бессмысленности сказанного, вторая и третья соотносятся с оскорблениями по социальному признаку или признаку интеллектуальной ущербности.

Идея о бессмысленности, бессвязности речи и склонности к суесловию транслируется в первой же реплике порока Фикции (Fancy), с которой персонаж появляется в пьесе, вмешиваясь в беседу монарха Величия (Magnificence) с королевскими наставниками Счастьем (Felicity) и Мерой (Measure): “Tusche, holde your rese, your language is vayne” [35, p. 357]. / «Тьфу, помолчите, ваша речь бессмысленна». При этом бессмысленность, «ничтожность» речи и избыточность (несоответствие плана выражения плану содержания) интерпретировались филологами и авторами ранненовоанглийского периода как один из непростительных стилистических грехов, о чем свидетельствует, например, описание «излишества» или «многоделания» (Periergia) в «Трактате о фигурах грамматики и риторики» филолога Р. Шери (1555): “...when in a small matter we spend many wordes, and labour much in vain, and tarry to long in it” [26]. / «...когда говоря о незначительном предмете, мы используем много слов и прикладываем усилие понапрасну, задерживаемся на этом предмете слишком долго». За исключением приведенной реплики Фикции, где для реализации темы бессмысленности сказанного задействуется галлицизм ‘vein’ (< старофранц. vain [34]), практически все остальные обвинения пороков в суесловии содержат просторечные элементы германского происхождения.

Утверждение о наличии многочисленных просторечных элементов в репликах пороков, очевидно, требует пояснения, каким образом, с помощью какого метода проводилась идентификация единиц этой категории. Для подтверждения или опровержения гипотезы о принадлежности того или иного слова к сниженной лексике мы в каждом конкретном случае обращались к нескольким источникам. Первым из них является диахронический Хельсинкский корпус (ICAME-NC: The Helsinki Corpus of English Texts) [32], сформированный учеными Хельсинкского университета под руководством М. Риссанен и О. Ихалайнена и охватывающий в секции, соотносящейся с началом ранненовоанглийского периода (1500-1570), приблизительно полмиллиона единиц (551 000). Безусловным достоинством этого корпуса является тот факт, что значительное количество задействованных в базе источников классифицировано разработчиками по таким релевантным параметрам, как формальность/неформальность, жанровая, диалектная принадлежность и т.д. Для доступа к корпусу автор статьи использует научный сервис Clarino Bergen Center (доступ предоставляется по запросу научного института, к которому прикреплен исследователь). Вторым источником, к которому мы обращались, являлся корпусный словарь среднеанглийского языка MED (Middle English Dictionary [21]), созданный лексикографами Мичиганского университета (включая Г. Курата, Ш. Куна, Р. И. Льюиса). По факту этот словарь охватывает не только источники, относящиеся к среднеанглийскому периоду, но и цитаты из более поздних произведений. Кроме того, некоторые единицы в рамках словаря маркированы как закрепленные за сниженным стилем. Анализируя ту или иную единицу, мы сопоставляли данные из указанных источников, оценивали контекстуальное окружение и в соответствии с этим делали вывод, являлось ли интересующее слово просторечным или, скорее всего, принадлежало к нейтральной лексике.

В качестве одного из примеров можно рассмотреть глагол ‘braul(en)’, появляющийся в следующем контексте в речи порока Завуалированного Коварства (Cloked Colusyon): “What woldest thou lurdn with me brawle agayne” [35, p. 390]. / «Что, будешь ты, оборванец, еще трещать со мной?». Интересующая нас единица этимологически восходит к нидерландскому (< brallen [5]) и относится, согласно Р. Джордану, к категории «распространенных ономастических слов... необходимо учитывать, что для многих из них была характерна передразнивающая нидерландское произношение манера произнесения» [16, p. 27-28]. Наиболее полное представление о семантическом охвате рассматриваемой единицы можно получить, обратившись к корпусному словарю MED, где указываются следующие основные значения: ‘кричать’, ‘балаганить’, ‘буяннить’, ‘браниться’, а также не зафиксированное в современном языке ‘хвастаться’ [5]. Вывод о принадлежности слова ‘braul(en)’ к просторечной лексике в ранненовоанглийском языке подкрепляется и анализом корпусных данных ICAME-NC по запросу brawl*. В корпусе предлагаются всего два контекста (из источников начала ранненовоанглийского периода), оба из которых относятся к пьесе «Иголка кумушки Гаммер Гертон» (авторство приписывается У. Стивенсону), для которых в ICAME-NC указан неформальный регистр [6]. Об ингерентной коннотации стилистического плана глагола позволяет судить, в частности, стилистическое окружение интересующего нас элемента в контекстах, относящихся к указанному источнику. Особенно показательным является контекст, в котором встречается образованное от глагола ‘braul(en)’ путем конверсии существительное ‘braul’: “God’s sacrament! the villain knave hath dress’d us round about! / He is the cause of all this brawl, that dirty shitten lout!” [29]. / «Божье таинство! Подлец-прошельга нас одурачил! Он причина всей этой бучи, этот грязный замызганный буян!».

Проведенный по предложенной схеме анализ единиц, включенных в реплики порочных персонажей (путем сопоставления корпусных данных и оценки контекстуального окружения), позволяет выявить значительное количество просторечных элементов, семантически связанных с идеей пустословия и громкой бессмысленной речи, в частности глаголы ‘prāt(en)’ (< среднеголланд. ‘praten’ – ‘нести чушь, брюзжать’) [24], ‘clater(en)’ (< среднеголланд. ‘clateren’ – ‘нести околесицу’) [10], ‘bluster(en)’ (< средненижнем. ‘blüstre(n)’ – ‘болтать, горлопанивать’) [4], существительное ‘chidere’ (< древнеангл. ‘cīdere’ – ‘крикун, буян’) [7], выражение “waste wynde” (растрчивать воздух, т.е. говорить нечто бессмысленное). Во многих случаях для усиления выразительности

семантически совпадающие элементы, связанные с темой бессмысленной речи, группируются: образуют бинарные или даже более расширенные синонимические ряды, например: “He dothe mysse use / Eche man take a fe / To crake and prate” [35, p. 371]. / «Он обманывает, / Любого обвиняет, / Что тот трещит и несет чушь»; “I blunder, I bluster, I blowe, I blotther” [Ibidem, p. 374]. / «Я мелю языком, я брюзжу, я лепечу».

Значительная часть просторечных элементов, как отмечалось ранее, соотносится с оскорблениями. Пороки называют друг друга отродьями (‘hōre-sōn(e)’ < древнеангл. ‘hore’ + ‘sunu’) [15], мерзавцами (‘lōsel’ < среднеангл. ‘lōsen’) [18], задействуют такие слова, как «сорванец» (‘lurdan’ < старофранц. ‘lordin’) [19], «девка» (‘tappester(e)’ < древнеангл. ‘tæppestre’) [30]. В некоторых случаях субстантивный компонент оскорбления усиливается ингерентно коннотативным определением, например «вероломный подлец» (false-harted dastarde), «промокший негодяй» (raune-beten Iauell). Усилению экспрессивности способствует организация просторечных элементов в нестойкие сложные слова, как в таком случае: «отродье-сволоочь» (horson knaue). Помимо того, что Скелтон для придания выразительности группирует оскорбления (в атрибутивные комплексы, в нестойкие сложные слова), он вводит и единицы, которые не зарегистрированы ни в одном лексикографическом источнике, поэтому предполагаемо являются индивидуально-авторскими неологизмами. Речь идет о словах “haunyarde” (скряга, сволоочь) и “chyncherde” (жлоб). Оба элемента являются результатами формирования слова с помощью заимствованного через французский германского суффикса -ard (по аналогии с единицами ‘druncard’ (пьяница), ‘dōtard’ (идиот), ‘saggard’ (хвостун)): в первом случае за основу берется исконное слово «подлец» (‘haine, haune’ [27, p. 183], при этом существовал диалектный вариант ‘hanniel’ [13, p. 433]), во втором – заимствованная из старофранцузского единица «скупердяй» (‘chinche’ [8], хотя существовали такие варианты, как ‘chinchere’ [9]). Интересно отметить, что случаи словотворчества в пьесе Скелтона идентифицируются не только на уровне конструирования просторечных элементов. На стадии искушения короля пороки выступают с речами, основную часть которых составляют не просторечные слова, а возвышенные элементы романского происхождения. Например, беседа с монархом, Придворное Злоупотребление задействует элемент “invuved” (оживленный), который обнаруживается только в пьесе Скелтона, и с высокой долей вероятности можно предположить, что это слово – неологизм (при этом еще в среднеанглийском существовали глаголы ‘vīvifien’ и ‘vīvificāten’ со значением ‘оживлять’). Учитывая, что случаи образования новых слов обнаруживаются исключительно в репликах порочных персонажей, можно сделать вывод, что словотворчество – отличительная стилистическая стратегия конструирования речи пороков.

Наконец, третья крупная категория просторечных элементов связана с унижением по интеллектуальному признаку: это, например, композит ‘daue-cok’ (где первый элемент восходит к древневерхненем. ‘taha’ и в различных диалектах английского использовался для обозначения нечистоплотной женщины или проститутки [25, p. 10]), выражение “The Devyls torde for thy braune” («Дьявола экскремент за твою голову») [35, p. 375], “my fansy was out of owle-flyght” («мое безумие залетело дальше совы») [Ibidem, p. 367] и т.д.

Отличительной стилистической чертой речи пороков является и конструирование оскорблений, содержащих элементы вертикального контекста. Этот термин задействуется для обозначения «информации историко-филологического характера, объективно заложенной в художественном произведении» [3, с. 91]. Например, в одном из диалогов Искусной Манипуляции (Crafty Conveyaunce) и Завуалированного Коварства (Cloked Colusyon) первый обращается ко второму со следующей репликой: “What, thou Colyn Cowarde, knowen and tryde!” [35, p. 399]. / «Как, ты Колин Негодяй, признанный и испытанный!». В качестве оскорбления используется элемент филологического вертикального контекста ‘Colyn’, отсылающий к одному из известных произведений самого Скелтона – поэме «Колин Клаут» (Colyn Cloute). Образ Колина Клаута, впоследствии, приблизительно через полвека, заимствованный Э. Спенсером в «Пастушеском календаре», интерпретировался как воплощение благоразумного и честного представителя народа и был «одновременно голосом поэта и голосом простого человека», как указывает П. И. Маклейн [20, p. 143]. В речи Искусной Манипуляции в имени положительного персонажа один из элементов заменяется единицей с негативной ингерентной коннотацией эмоционально-оценочного плана ‘sōiurd’ (негодяй), и устойчивые ассоциации с образом Колина Клаута (план содержания) вступают в противоречие с планом выражения: положительное в рамках этого оскорбления презентуется как отрицательное. В другом диалоге пороков Фикция (Fansy) приветствует Придворное Развращение (Courtly Abusyon) словами: “What? Whom have we here, Jenkyn Joly?” [35, p. 372]. / «Что? Кто тут у нас, Дженкин Веселый?». В комментарии к пьесе, составленном Г. Уокером, указывается, что в данном случае подразумевается ассоциация с конкретным персонажем – шутком Джоном Сумасбродом (Madcap John) [Ibidem]. Введение традиционных наименований шутов в качестве элементов оскорбления в речи пороков фиксируется и в следующей реплике Глупости (Foly): “Sym Sadyglose was my syer, and Dawcoske my dame” [Ibidem, p. 393]. / «Сим Балбес был моим сэром, Тупица – моей дамой». Д. Кристал фиксирует, что слово ‘sad(d)le-go(o)s(e)’, появившееся в среднеанглийском приблизительно в 1346 г., обозначало «того, кто делает только то, на что способен дурак» [11, p. 89]. На то, что аналогичные элементы вертикального контекста используются Скелтоном для маркирования порочности, указывает и тот факт, что единица этой категории появляется в речи персонажа Свободы (Lyberte), который, как и искушаемый пороками монарх (Magnufuscense), изображается как морально неустойчивый, склонный к духовной деградации. До появления пороков в пьесе реплики Свободы конструируются в высоком стиле, однако постепенно, по мере развращения монарха Величия и Свободы как аллегорического воплощения королевской склонности к неумеренности, в речи последнего задействуется и элемент вертикального контекста, связанный с фольклором. К примеру, общаясь с пороком Фикцией (Fansy), Свобода произносит фразу: “Ye[a], of Jack a Thrommys

bybyll can ye make a glose” [35, p. 384]. / «Да, тебе бы к библии Джека Дурака комментарии составлять», где “Jack a Thrommys” вероятно является традиционным обозначением шута, дурака. Через введение многочисленных единиц, ассоциируемых с культурой простого народа, достигается значимый для автора эффект. Пороки должны были, во-первых, восприниматься аудиторией именно как простолюдины, и, во-вторых, предполагалось, что зрители будут отождествлять себя с порочными персонажами, испытывать определенное эстетическое удовольствие от яркого и выразительного языка пороков (зачастую более экспрессивного, чем реплики добродетелей) и симпатию к негативным героям: таким образом, «драматургам удастся создать напряжение между эмоциональной и интеллектуальной реакцией аудитории» [28, p. 297].

Еще одним компонентом стилистического своеобразия речи пороков в пьесе «Величие» можно считать введение полилексемных иноязычных образований – этот прием известен в исследовательской литературе под термином «переключение кодов» (code-switching, code-mixing), или «двухязычная речь» (bilingual speech). Переключение кодов подразумевает «задействование двух языковых разновидностей в речи» [22, p. 239]. Этот прием, в отличие от разобранных ранее, необязательно ассоциировался именно с низким стилем, о чем свидетельствует тот факт, что в некоторых пьесах того же периода, например в произведении «Сатира Трех Сословий» Д. Линдсея, можно обнаружить латинские вставки (цитаты из Вульгаты) во фрагментах высокого стиля. Однако в пьесе Скелтона все случаи переключения кодов относятся именно к репликам негативных персонажей. Речь пороков Скелтона содержит вставки либо на французском, либо на латинском языке. Например, в одной из сцен Завуалированное Коварство (Cloked Colusyон) спрашивает Придворное Злоупотребление: “De que rays este vous?” [35, p. 368]. / «Из какой Вы страны?». Собеседник отвечает: “Decke your hofte and cover a lowce” [Ibidem]. / «Покрой свою голову и спрячь вошь», на что Завуалированное Коварство говорит: “Say vous Chaunter ‘Venter tre dawce’?” [Ibidem]. / «Споешь ли ‘Мягкое пузо’?». В этом контексте примечательны два факта. Придворное Злоупотребление, которое раньше в рамках этой же сцены пело по-французски, отвечает на заданный на французском вопрос совершенно на другую тему, то есть не понимает смысла иноязычной фразы, а реплика Завуалированного Коварства содержит деформированное название по-видимому популярной в то время песни (согласно Р. У. Даффин, предположительно “Votre très douce regaunt pleasaunt” («Ваш очень нежный томный взгляд нравится/нравился») [12, p. 29]), где местоимение “votre” заменено на слово “ventre” (пузо). Таким образом, подчеркивается, с одной стороны, что пороки только притворяются благородными людьми, знающими французский (актуализируется и негативная коннотация французского как языка притворства), и, с другой стороны, обыгрывается все та же тема бессмысленности их речи. Во многих случаях введения в речь пороков латинских вставок наблюдается реализация той же идеи пустословия: например, Фикция говорит о себе: “I am yet as full of game, / As ever I was, and as full of tryfys / Nil, nichelum, nihil, anglice, pufyfs” (латинские единицы выделены курсивом) [35, p. 377]. / «Я все так же полон лукавства, / Каким всегда я был, и так же полон вздора, / Ноль, ничто, ничего, по-английски, пустяки». В этом случае означающее (латинская форма, ассоциирующаяся с ученостью, мудростью) противоречит означаемому (идея о пустоте, бреде, бессмысленности).

Из приведенных ранее примеров видно, что зачастую элементы реплик порочных персонажей дополнительно маркируются акустическими средствами: аллитерацией и эффектом паронимической аттракции. Что касается аллитерации, то статус этого приема в XVI в. неоднозначен и варьируется в зависимости от эстетической парадигмы того или иного автора. С одной стороны, известно, что еще в конце XV в. У. Кэжстон, переписывавший «Смерть Артура» Т. Мэлори, «устранил многие случаи аллитерации Мэлори как рудимент старых исконных техник стилистического повышения и ввел в оригинальный текст ряд латинизмов» [31, p. 572], что свидетельствует о том, что некоторые авторитетные авторы воспринимали некогда однозначно эстетически значимую стратегию аллитерационной организации как признак слабого стиля. С другой стороны, например, для упомянутого ранее выдающегося драматурга ранненовоанглийского периода Д. Линдсея аллитерация выступала неотъемлемым компонентом высокого стиля. Что касается творчества Дж. Скелтона, аллитерационная организация присуща практически любому его произведению, включая и «Величие». Проблематично точно определить, из каких именно соображений Скелтон в каждом конкретном случае организует единицы аллитерационно: для отождествления с исконной аллитерационной традицией, содействия ритмико-интонационной сегментации или единственно исходя из эстетического предпочтения приема. Так или иначе, аллитерация в «Величии» регулярно появляется и в репликах положительных персонажей, и в речах пороков. Однако если рассматривать фрагменты пьесы, относящиеся к взаимодействию пороков, то становится очевидно, что аллитерация используется неумеренно: акустически маркируются не метасемиотически значимые элементы, но вообще любые единицы. Если в возвышенных фрагментах аллитерация, наряду с рефреном, призвана усилить эстетическое впечатление и часто дополнительно маркировать значимые элементы, то в речах порочных героев наблюдается то же «сочетание аллитерации, ритма и ономотопеи, переплетающихся для создания эффекта нелепости» [33, p. 304], что фиксируется в поэме «Колин Клаут». Например, в реплике положительного персонажа Осмотрительности (Sad Cytumspreccyон) аллитерация призвана в том числе усилить эффект антитезы: “Let never negarshyp your noblenesse affray” [35, p. 406]. / «Пусть никогда жадностью ваше благородство не нарушится». Абстрактные существительные ‘nigardship(e)’ и ‘noble-nes(se)’ являются метасемиотически значимыми элементами в контексте наставления королю. То же самое касается аллитерационно маркированных единиц во фразе Счастья (Felycyte): “Lyberte may somtyme be to large” [Ibidem, p. 352]. / «Свобода порой может быть чрезмерной». В то же время в речах пороков зачастую

наблюдается аллитерационная организация практически всех элементов в строке: “A lurdayne lyke a lorde to fyght, / A mynstrell lyke a man of might” [Ibidem, p. 361]. / «Подлец [притворится], будто [он] лорд к битве, / Скоморох – будто благородный человек»; “I laughe at all shrewdenes, and lye at lyberte / I muster, I meddle amonge these grete estates” [Ibidem, p. 368]. / «Я смеюсь над любой дрянью, лгу безнаказанно, / Я мямлю, я путаюсь меж этих великих сословий». Эффект паронимической аттракции также дополнительно усиливает элемент фарса и глумления пороков над другими персонажами и друг над другом. К примеру, Фикция обращается к Глупости со словами: “Nowe of good Felowship, let me by thy [d]ogge” [Ibidem]. / «По доброй дружбе дай купить твою собаку», на что второй отвечает: “Cockys harte, thou lyst: I am no [h]ogge” [Ibidem]. / «Сердце божье, ты врешь: я не свинья».

Подводя итоги, можно сделать следующие **выводы**: стилистическое своеобразие реплик пороков в пьесе «Величие» определяется целым кластером приемов, и с помощью языковых средств Скелтон стремится транслировать идею о безумии, скудоумии и фальшивости этих персонажей. Для этого используются, во-первых, многочисленные просторечные элементы (включая оскорбления), семантика которых связана с идеей пустословия, бессмысленности, шутовства. Наличие этих единиц доказано анализом доступных лексикографических данных: диахронического корпуса и корпусного словаря. Для усиления экспрессивности элементы этой категории во многих случаях организуются в синонимические ряды, нестойкие сложные слова, а также дополнительно маркируются аллитерационно. Аллитерация (и особенно эффект паронимической аттракции) наиболее активно задействуется при конструировании реплик пороков: в отличие от фрагментов речей добродетелей, в высказываниях пороков акустически маркируются любые, а не только метасемиотически значимые элементы. В ходе исследования выявлено, что отличительным стилистическим признаком реплик пороков является наличие индивидуально-авторских неологизмов. Кроме того, значительная часть оскорблений содержит отсылки к народной культуре, например традиционные наименования шутов. Прием переключения кодов (введения оригинальных иноязычных полилексемных образований на французском и латинском) также относится именно к высказываниям пороков. Контексты, в которых идентифицированы вставки на французском, демонстрируют, что пороки говорят на этом языке без понимания смысла сказанного. Латинские вставки вводятся в высказывания негативных персонажей, чтобы возник эффект противоречия одной из актуальных коннотаций латыни – языка, ассоциирующегося с ученостью, мудростью, – и означаемого – бессмысленности. Таким образом, все выявленные приемы, многие из которых ассоциировались в XVI в. со сниженным стилем, являются взаимодополняющими.

Изучение стилистических особенностей художественных текстов начала ранненовоанглийского периода можно считать **перспективным направлением** лингвистики, и использование предложенных в ходе исследования данных может оказаться продуктивным при анализе других литературных памятников этого времени, что в конечном итоге позволит лингвистам более глубоко осмыслить эволюцию английского языка и особенностей его применения в произведениях, относящихся к разным периодам его развития.

Список источников

1. **Задорнова В. Я.** Восприятие и интерпретация художественного текста. М.: Высшая школа, 1984. 152 с.
2. **Липгарт А. А.** Основы лингвопоэтики. М.: URSS, 2009. 168 с.
3. **Прохорова М. Ю.** К вопросу о прагмалингвистике филологического вертикального контекста (на материале стихотворения Джона Мильтона “Song on May Morning”) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Диалог МГУ, 1999. Вып. 8. С. 91-98.
4. **Blusteren** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED5333/track?counter=1&search_id=4050806 (дата обращения: 28.07.2020).
5. **Braulen** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED5850/track?counter=2&search_id=4050806 (дата обращения: 28.07.2020).
6. **Brawl*** [Электронный ресурс] // The Helsinki Corpus of English Texts. URL: http://clarino.uib.no/corpuscle/concordance?corpus=helsinki&basic-query=brawl*&query-mode=basic (дата обращения: 28.07.2020).
7. **Chidere** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED7544/track?counter=1&search_id=4050806 (дата обращения: 28.07.2020).
8. **Chinche** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED7601/track?counter=1&search_id=4093882 (дата обращения: 28.07.2020).
9. **Chinchere** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED7605/track?counter=2&search_id=4093882 (дата обращения: 28.07.2020).
10. **Clateren** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED7897/track?counter=1&search_id=4050806 (дата обращения: 28.07.2020).
11. **Crystal D.** Words in Time and Place: Exploring Language through the Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2014. 288 p.
12. **Duffin R. W.** Some Other Note: The Lost Songs of English Renaissance Comedy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 736 p.
13. **Halliwell J. O.** A Dictionary of Archaic and Provincial Words: Obsolete Phrases, Proverbs, and Ancient Customs, from the XIV Century. L.: John Russell Smith, 1850. Vol. I. 480 p.
14. **Hebron M.** Key Concepts in Renaissance Literature. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 304 p.
15. **Höre-sön(e)** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED21195/track?counter=1&search_id=4093882 (дата обращения: 28.07.2020).
16. **Jordan R.** Handbook of the Middle English Grammar: Phonology. Hague – P.: Mouton, 1974. 332 p.

17. **Literature Criticism from 1400 to 1800** / ed. by Th. J. Schoenberg, L. J. Trudeau. Detroit: Gale Cengage, 2002. Vol. 71. 512 p.
18. **Lösel** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED26119/track?counter=1&search_id=4093882 (дата обращения: 28.07.2020).
19. **Lurdan** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED26354/track?counter=1&search_id=4093882 (дата обращения: 28.07.2020).
20. **McLane P. E.** Skelton's "Colyn Cloute" and Spenser's "Shepheardes Calender" // *Studies in Philology*. 1973. Vol. 70. № 2. P. 141-159.
21. **Middle English Dictionary (MED)** [Электронный ресурс]. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 22.07.2020).
22. **Myers-Scott C.** *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 457 p.
23. **New Perspectives on Tudor Cultures** / ed. by M. Pincombe, Z. Almási. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. 300 p.
24. **Präten** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED34301/track?counter=1&search_id=4050806 (дата обращения: 28.07.2020).
25. **Sayers W.** Challenges for English Etymology in the Twenty-First Century, with Illustrations // *Studia Neophilologica*. 2012. № 84. P. 1-25.
26. **Sherrey R.** *A Treatise of the Figures of Grammar and Rhetoric* [Электронный ресурс]. URL: <https://leme.library.utoronto.ca/lexicons/83/details#fulltext> (дата обращения: 22.07.2020).
27. **Skeat W. W.** *A Glossary of Stuart and Tudor Words especially from the dramatists* / ed. by A. L. Mayhew. Oxford: The Clarendon Press, 1914. 461 p.
28. **Soares dos Santos M.** *An Investigation of the Ideas of Englishness and Foreignness in English Drama c. 1485 – c. 1592, with Particular Reference to the Interludes*. Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of Birmingham. Birmingham, 1980. 519 p.
29. **[Stevenson W.]** *Gammer Gurton's Needle* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/37503/37503-h/37503-h.htm> (дата обращения: 20.07.2020).
30. **Tapester(e)** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED44522/track?counter=1&search_id=4093882 (дата обращения: 22.07.2020).
31. **The Cambridge History of the English Language** / ed. by R. Lass. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Vol. III. 1476-1776. 668 p.
32. **The Helsinki Corpus of English Texts (a structured multi-genre diachronic corpus)** [Электронный ресурс]. URL: <http://clarino.uib.no/korpuskel/simple-query> (дата обращения: 16.07.2020).
33. **The History of English: Early Modern English** / ed. by A. Bergs, L. J. Brinton. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. Vol. IV. 344 p.
34. **Vein** [Электронный ресурс] // Middle English Dictionary. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED50803/track?counter=3&search_id=4093882 (дата обращения: 22.07.2020).
35. **Walker G.** *Medieval Drama: An Anthology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. 630 p.

Stylistic Originality of Allegorical Vices' Speech in the Early New English Play "Magnyfycence" by John Skelton

Khavronich Alina Alekseevna

*National Research University "Higher School of Economics", Moscow
Lene_rocks@mail.ru*

The research objective is to identify and analyse the basic stylistic characteristics of vicious personages' speech in John Skelton's play "Magnyfycence" written at the beginning of the Early New English period. The study focuses on the author's stylistic strategies used to construct allegorical vices' speech, to reveal a personage's viciousness or moral frailty through linguistic means. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time provides a comprehensive stylistic analysis of John Skelton's play referring to diachronic corpus data. The research findings are as follows: to ensure stylistic originality of vicious personages' speech, the writer uses low colloquial vocabulary, neologisms, introduces elements of vertical context, applies the code-switching technique, enriches the narrative with alliterations and paroemias.

Key words and phrases: linguo-stylistics; Early New English period; John Skelton; low style; stylistically marked units.